

Ночь. В тишине, нарушаемой лишь дыханием спящего мира, в комнату бесшумно вошел Цзи Чжаохэн. Окутанный лунным светом, он ступал осторожно, опасаясь потревожить того, кто лежал на кровати. Цзи Чжаохэн намеренно скрыл свое присутствие, даже дыхание его стало едва уловимым.

Су Яньи спал беспокойно. Казалось, его терзали кошмары: брови были сурово сдвинуты, лоб покрылся испариной, а пряди волос прилипли к лицу. Цзи Чжаохэн протянул руку, но, не успев коснуться его, услышал бормотание:

— Не надо... не надо... уйди... не подходи... нет...

Рука Цзи Чжаохэна замерла. В сердце разлилась горечь: когда-то этот человек презигал и ненавидел его, а теперь до смерти боится — настолько, что даже во сне не желает видеть его рядом. Опасаясь, что его присутствие лишь усугубит страдания Су Яньи, он, преодолевая тоску, уже собрался уйти, но стоило ему развернуться, как его рука, опущенная вдоль тела, была крепко схвачена.

— Не подходи... Цзи Чжаохэн, спаси меня... ах... прочь, убирайтесь! Не надо...

Су Яньи, не открывая глаз, судорожно сжимал пальцы. Его лицо исказилось от ужаса, а руки, беспорядочно мечущиеся в воздухе, намертво вцепились в ладонь Цзи Чжаохэна, словно утопающий ухватился за спасительную соломинку.

Услышав этот лепет, Цзи Чжаохэн резко обернулся. В его глазах мелькнуло изумление: оказывается, кошмары этого человека были связаны вовсе не с ним.

Цзи Чжаохэн сжал руку Су Яньи и с сомнением в голосе позвал:

— А-И?

Возможно, его голос подействовал: Су Яньи сжал его ладонь еще крепче и бессознательно прошептал:

— Цзи Чжаохэн, спаси меня, прогони их всех! Ты ведь любишь меня, правда? Убей их! Убирайтесь вон!

Цзи Чжаохэн немедленно заключил Су Яньи в объятия, погладил его по спине и мягко заговорил:

— Я здесь, я рядом. Не бойся, я с тобой, никто тебя не обидит.

Пусть он не знал, что именно привиделось Су Яньи, но было очевидно: в своих снах тот

нуждается в нем. Сердце Цзи Чжаохэна наполнилось радостью: неужели это значит, что его А-И не так уж сильно его ненавидит?

Даже находясь в объятиях Цзи Чжаохэна, Су Яньи продолжал выкрикивать проклятия, словно все еще был зажат в кольцо врагов. Цзи Чжаохэн начал вливать в него духовную силу, пытаясь успокоить, и шептал на ухо:

— Тише, я здесь, я никуда не уйду. Не бойся, никто не посмеет причинить тебе вред, я всегда буду защищать тебя. Тише.

Ласка подействовала: дыхание Су Яньи выровнялось, и он снова погрузился в глубокий сон.

Цзи Чжаохэн лежал, обнимая его, и, хотя ему невыносимо было расставаться, он понимал, что должен встать — если завтра утром А-И проснется и увидит его, то наверняка придет в ярость. Уложив его, Цзи Чжаохэн не смог сразу уйти. Он оперся на локоть и, лежа на боку, принялся безмолвно созерцать спящего.

Лишенный своей культивации и ослабленный прежними ранами, Су Яньи стал хрупким, словно простой смертный, поэтому кошмары так легко одолевали его. Цзи Чжаохэна грызло раскаяние, но если бы он не поступил так, как иначе он смог бы удержать Су Яньи подле себя?

Он собирался лишь дождаться рассвета и уйти, но во сне Су Яньи внезапно перевернулся и, уткнувшись лицом в его грудь, примостил голову на его руку, продолжая спать беспробудным сном. Цзи Чжаохэн растерялся и даже перестал дышать, опасаясь, что, проснувшись, Су Яньи вновь испытает к нему отвращение.

Подождав немного и убедившись, что тот не собирается просыпаться, он выдохнул. Су Яньи не только прижался к нему, но и в полусне ухватился за край его одежды. Цзи Чжаохэн осторожно положил руку на поясницу Су Яньи и, склонившись, коснулся губами его волос. Чувство глубокого удовлетворения и радости наполнило его сердце, и теперь он был совершенно не в силах отстраниться. Он пообещал себе, что просто побудет так до утра.

Возможно, из-за того, что желанный человек был наконец рядом, а в воздухе разливался тонкий аромат чая, исходящий от него, Цзи Чжаохэн — вопреки всем своим привычкам — почувствовал сонливость. Прислушиваясь к мерному дыханию Су Яньи, он, не в силах больше бороться с усталостью, тоже уснул.

На следующее утро Цзи Чжаохэна сбросили с кровати. Он открыл глаза и мысленно выругался: конечно же, перед ним стоял Су Яньи с выражением ярости на лице.

Цзи Чжаохэн чувствовал свою вину: он прекрасно знал, что этот человек не желает его видеть,

и все же позволил себе обнимать его всю ночь. Он ожидал, что Су Яньи осыплет его насмешками, но тот, вопреки всему, не стал браниться, а лишь гневно сверкнул глазами и замолчал.

Цзи Чжаохэн поднялся, очистил одежду с помощью заклинания, переоделся и произнес:

— Прости, А-И. Я не хотел этого.

— Как же ты надоел. Который час? — Су Яньи не желал слушать оправданий и перебил его вопросом.

Цзи Чжаохэн мягко улыбнулся:

— Еще рано. Ты голоден?

Су Яньи отвернулся, не желая смотреть на него, но приказал:

— Раз знаешь, почему еще не ушел? Хочешь, чтобы я умер от голода?

Столь грубое обращение не только не разозлило Цзи Чжаохэна, но, напротив, вызвало у него прилив радости. Не сдержав улыбки, он ответил:

— Хорошо, я сейчас же принесу.

Хотя отношение Су Яньи нельзя было назвать близким, он, по крайней мере, перестал проявлять прежнюю яростную враждебность. Цзи Чжаохэн был искренне счастлив. Направляясь к выходу, он случайно услышал, как Су Яньи пробормотал себе под нос:

— Странно... почему мне приснилось, что этот негодяй Цзи Чжаохэн спасает меня? До чего же странно!

Цзи Чжаохэн ускорил шаг. Его сердце ликовало: он чувствовал себя юношей, впервые познавшим любовь, и вся его бывшая сдержанность и невозмутимость вмиг испарились.

Выйдя из Дворца Хэнъюнь, он столкнулся с двумя учениками, занятыми уборкой. Они поспешно поклонились:

— Приветствуем Бессмертного почтенного.

Цзи Чжаохэн одарил их мягкой улыбкой:

— Продолжайте.

Он прошел мимо, оставив их в полнейшем замешательстве — они даже не заметили, как из рук выпали метлы.

Цзи Чжаохэн лично отправился на кухню и под изумленными взглядами младших учеников приготовил лапшу с курицей, добавив к ней искусно поджаренное яйцо диковинной птицы. Золотистый желток, посыпанный мелко нарезанным зеленым луком — блюдо выглядело аппетитно.

Держа миску, приготовленную собственными руками, он поспешил обратно во Дворец Хэньюнь. Войдя внутрь, он постарался успокоиться и, поставив еду на стол, нежно произнес:

— А-И, сегодня все вышло второпях, прошу, не обессудь.

Су Яньи сидел на кровати, босой, с распущенными волосами, вид у него был болезненный и усталый. Услышав слова Цзи Чжаохэна, он лишь склонил голову набок и промолчал. Видя, что взгляд его довольно спокоен, Цзи Чжаохэн подошел ближе, но, не решаясь на резкие действия, осторожно спросил:

— Позволь, я перенесу тебя.

Су Яньи не ответил, лишь пристально смотрел на него тяжелым взглядом. Цзи Чжаохэн тихо вздохнул и все же взял его на руки. К счастью, тот не стал сопротивляться. Дойдя до стола, он бережно усадил его, и тут Су Яньи наконец подал голос:

— Невкусно. Я не буду это есть.

Несмотря на слова, он все же подцепил палочками лапшу. Он опустил голову, и воцарилось долгое молчание, прерываемое лишь тихими звуками еды.

Глядя, как Су Яньи ест приготовленную им пищу, Цзи Чжаохэн почувствовал, как сердце переполняется такой радостью, что ему едва удавалось сдерживать дыхание. Он принес обувь и, опустившись на колени, попытался надеть ее на ноги Су Яньи. Тот был настолько слаб, что обувь была ему почти не нужна. Увидев действия Цзи Чжаохэна, он иронично усмехнулся:

— Что такое? У Бессмертного почтенного появилось свободное время, чтобы прислуживать калеке?

Цзи Чжаохэн, уже стоявший на коленях, горько улыбнулся и, поняв бессмысленность попыток, отступил.

Су Яньи съел больше половины миски, а когда осталось совсем немного, оттолкнул ее и с вызывающей усмешкой посмотрел на Цзи Чжаохэна:

— Я наелся. Доедай сам.

Цзи Чжаохэн — великий Бессмертный почтенный — должен был доедать остатки чужой еды? Это было явным унижением, и по дерзкой улыбке Су Яньи было ясно, что он сделал это намеренно.

Если бы кто-то другой посмел так поступить, Цзи Чжаохэн не стерпел бы подобного, но перед ним был Су Яньи — человек, о котором он грезил, которого так отчаянно желал. Разве мог он злиться? Напротив, он почувствовал тайное удовлетворение от того, что делит с ним одну миску.

Почти не раздумывая, Цзи Чжаохэн взял миску:

— Раз ты не хочешь, я доем.

Вызывающая улыбка на лице Су Яньи застыла. Он уставился на миску в руках Цзи Чжаохэна и процедил:

— Бессмертному почтенному что, мало обедков?

Он не мог поверить, что человек такого статуса станет доедать за кем-то другим. Но Цзи Чжаохэн, глядя на него с безграничной нежностью, ответил:

— То, что осталось от А-И, мне по вкусу.

Сказав это, он действительно начал есть.

— Ты... ты просто невыносим! Делай что хочешь.

Су Яньи наблюдал за ним, чувствуя полное недоумение — вместо ожидаемого чувства унижения врага он не ощутил ничего. Этот человек с довольной улыбкой доедал остатки лапши, и в нем не было ни капли того оскорбленного достоинства, которое он надеялся увидеть.

Бросив эту фразу, Су Яньи хотел встать, но ноги не слушались, а просить о помощи Цзи Чжаохэна он не хотел, поэтому остался сидеть.

Лапши осталось совсем немного, Цзи Чжаохэн быстро закончил с ней, а затем подхватил Су

Яньи на руки и перенес на мягкую кушетку, где тот обычно отдыхал днем.

Дважды за короткое время он проявил такую близость, и Су Яньи ни разу не оказал сопротивления. Сердце Цзи Чжаохэна словно наполнилось медом — настолько сладким, что он не заметил, как этот мед застал ему глаза, не позволяя увидеть холод, который так и не исчез из взгляда Су Яньи.

<http://bllate.org/book/18801/1827691>